

XVIII ВЕК

УЧРЕЖДЕНИЯ, НРАВЫ И ОДЕЖДА

Франция 1700–1789 гг. Глава десятая. Образование

Поль Лакруа

В этом номере мы завершаем публикацию чрезвычайно познавательного очерка, посвященного истории французского образования в XVIII столетии (*начало* в № 7/2007 года)

Вольтер извлек из уроков о. Поре громадную пользу. В письме к отцу де ла Туру от 7 февраля 1746 года он со страстью высказывает свою признательность: «В течение семи лет меня воспитывали люди, которые бескорыстно и неустанно трудились над умственным и нравственным воспитанием юношества... Ничто не сотрет в моем сердце воспоминаний об о. Поре, одинаково дорогих всем, кто у него учился. Никогда человек не делал ученье и добродетель столь привлекательными. Часы его уроков были для нас восхитительными, и я хотел бы, чтоб он был водворен в Париж, в Афины, чтоб в любом возрасте можно было присутствовать на таких уроках; я часто вновь обращался бы к ним. Мне выпало на долю счастье – меня воспитал не один иезуит с характером, подобным характеру о. Поре, и, как мне известно, его преемники достойны его. Наконец, в течение семи лет, прожитых мною в их доме, – что мне довелось повидать? Жизнь, исполненную трудолюбия и умеренности, подчиненную строгим правилам; все часы были распределены между попечением о нас и упражнениями в их многотрудной должности». Если отцы иезуиты вели умеренную жизнь в своих коллежах, они вовсе не заботились о том, чтобы обеспечить воспитанникам более изысканный стол. Словесность того времени изобилует возмущенными или жалобными отзывами об отвратительной пище, подаваемой в рефектории, не говоря уж о вынужденных постах, которые нужно было

Студенты Сорбонны на занятиях.
*До века пудренных париков и философских доктрин
еще далеко...*

соблюдать – четыре трехдневных¹ и накануне церковных праздников. Хлеб был черствым, а то и с плесенью; о вине и не вспоминали, зато воды – в изобилии; мясо никогда не было хорошо прожарено, а сопровождавшие его грубые овощи – фасоль и чечевица – плавали в тошнотворном соусе. Дортуар дарил сибаритам столь же мало приятных ощущений, что и рефекторий: жесткая постель с убогими покрывалами, слишком часто дающая приют паразитам. Наконец, классные комнаты тоже оставляли желать многого относительно чистоты и опрятности. Это был неотъемлемый порок коллегий, руководимых клириками, – не только в провинциальной глуши, но и в Париже. В то время образование имело дело только с душой и вовсе не заботилось о теле. Зато классическое ученье всегда было предметом величайшей заботы, везде занимались

¹ Les Quatre-Temps – посты в течение вторника, пятницы и субботы после третьего воскресенья Рождественского поста, первого воскресенья Пасхального, воскресенья Пятидесятницы и семнадцатого воскресенья после Пятидесятницы

прилежно и глубоко. В самом захудалом провинциальном коллеже, где не принимали пансионеров, к образованию учеников относились со всей возможной попечительностью; вот что сообщает нам Мармонтель, учившийся в коллеже Мориака в Оверни с 1732 по 1738 г.: «Обычай, с которым я, кроме этого коллежа, не сталкивался нигде, – пишет он, – требовал удвоенной ревности в конце учебного года. Чтобы перейти из одного класса в другой, нужно было подвергнуться суровому экзамену, и одно из основных заданий, которое предстояло выполнить на сей предмет, было заучивание текстов наизусть. В зависимости от класса это были: в поэзии – Федр, или Овидий, или Вергилий, или Гораций; в прозе – Цицерон, Тит Ливий, Квинт Курций или же Саллюстий; все вместе, подлежащее заучиванию, представляло собой достаточно большой объем текстов». Но в Мориаке, как и во всех коллежах, корректор был ужасом учеников. Этот ужасный корректор, вооруженный розгами, был, однако же, не кто иной, как брат-привратник или брат-надзиратель. Мармонтелю пришлось не один раз выдержать борьбу против этого страшного человека, а именно когда многие из его соучеников были – как и он – обвинены в том, что коварно вывели из строя звонок часов. Он рассказывает в «Воспоминаниях»: «В час классных занятий префект велел позвать меня. Я отправляюсь в его комнату и обнаруживаю в ней десять-двенадцать учеников, построившихся в ряд вокруг стены, а в середине – корректора и этого страшного префекта, который отдавал распоряжение сечь их одного за другим». Мармонтель был уже в классе риторики; он не захотел подвергнуться унижению кнута и убежал, оставив лоскут своей одежды в руках корректора. Порка неоднократно становилась причиной беспорядков, серьезных возмущений и даже кровавой борьбы; но традиция и обычай торжествовали над всеми доводами справедливости, приличия и досто-

Школяры XVI в.
Музей Клюни, Париж

инства. Должность корректора сохранилась во всех коллежах вплоть до изгнания иезуитов.

Для большого числа родителей это было побудительной причиной отказа от коллежа, поскольку экстерны также не были избавлены от постыдного наказания. В результате частное воспитание детей на лоне семейств стало обычной практикой у аристократов и богатых буржуа. Это воспитание, порученное сначала гувернанткам и позже наставникам, далеко не давало тех благих плодов, которых от него ожидали. Не было ничего более трудного, зависящего от удачи – найти наставника, достойного исполнять свои обязанности, тонкие и тягостные одновременно. Платили наставникам мало и обычно не оказывали им такого почета и уважения, на которые они были вправе претендовать.

Правда, и не отличались эти наставники какими-либо выдающимися качествами, характером и талантами; часто это было нечто вроде лакеев или услужников, у которых не было ни образования, ни порядочности, ни опыта, ни знания света. Были, однако же, и блистательные исключения: грамматик Дюмарсе, поэт Данше и знаменитый Ж.-Ж. Руссо тоже были наставниками. От них требовали больше, нежели они могли дать, и желания простирались до того, чтоб фениксы и гении учили маленьких детей грамматике и катехизису. Г-жа Корнюэль, знаменитая своими остротами, ответила одной даме из провинции, просившей порекомендовать ей наставника, который обладал бы всеми качествами и достоинствами, нужными для ремесла: «Пока я такого не нашла, но буду искать, и далее обещаю Вам, что как только найду, я оставлю его за собой, чтоб сделать своим мужем». Таким образом можно объяснить и то глубокое почтение, которое Даламбер питал к наставникам: исполняя при вверенных им детям должность отцов семейства, они жертвовали для этой неблагодарной миссии всей своей жизнью и временем. Один из таких наставников, ученый аббат Бланше, как-то сказал с гордым презрением нескольким отцам: «Вы произвели на свет людей, всего лишь людей, и уже наша – наставников – задача сделать из них граждан!». Однако зачастую наставники отличались тупостью и жестокостью, и им ничего не стоило причинить детям несправедливость, дурно обращаться с ними и отыграться на несчастных за те унижения, которые пришлось перенести им самим. Роллен не отступил от истины, написав в «Трактате о воспитании»: «Часто приходится вверять воспитание детей юным наставникам без опыта, которым было невозможно и самим приобрести глубокие познания. Если они обладают доброй волей и податливостью, не лишены разума

и способности суждения, любят труд и – прежде всего – отличаются чистотой нравов, глубокой верой и благочестием, нужно довольствоваться этим».

Нужно признать, что Ж.-Ж. Руссо не был из числа таких наставников, которых Роллен рекомендовал отцам семейств. В течение одного года (1740) ему было вверено воспитание двух сыновей г. де Мабли, и он не внес в исполнение своего долга ни слишком много мудрости, ни избытка совести, – он, которому еще предстояло в «Эмиле» изложить столь чудесную теорию воспитания: «Когда все шло хорошо и я видел, что усилия и труды – тогда я их не жалел – не остаются втуне, я был ангелом; но тотчас превращался в дьявола, когда дело обстояло иначе. Если же ученики меня не слушали, я сумасбродствовал, а когда выказывали злобу, я б их убил: это не было, конечно же, способом сделать их учеными и мудрыми... У меня не было недостатка в усердии, но я не был достаточно ровным, а прежде всего – благоразумным. Я мог по отношению к ним воспользоваться только тремя орудиями, которые в обращении с детьми никогда не бывают полезны, а зачастую губельны, – чувством, рассуждением и гневом». Мерсье, вставая в общем случае на сторону наставников против детей и их отцов, не вспоминал этих искренних признаний «Исповеди»; в «Картинах Парижа» он восклицал: «Наставники! Вам есть на что пожаловаться; как все несправедливы по отношению к вам! Если ребенок не получает пользы от вашего усердного попечения, родители взваливают вину на вас; если, напротив, он делает успехи, родители припишут их благим задаткам ученика, а вовсе не вашим заслугам, трудам и усилиям. Ваша плата за них – неблагодарность!». Окончив курс учения, венцом которого – как в коллежах, так и дома, под руководством наставника, – были латинские древности, молодые люди вступали на различные пути, чтоб получить профессиональное образование; аристократы, которых ждало военное поприще, в военных школах, куда принимали по предъявлению надлежащего аттестата их знатности; буржуа, надеявшиеся стать членами магистратуры, адвокатами, профессорами, врачами, или, по крайней мере, овладеть степенями магистра искусств, бакалавра, лиценциата и доктора, поступали в университет, в Сорбонну, в Школу права или Медицинскую школу. Те и другие встречались еще в академиях, где преподавались фехтование, танцы и верховая езда. Все носили шпагу; всем приходилось пользоваться ею – с тем умением и отвагой, какие

Гувернантка. Гравюра XVIII в.

у них были. Дюкло в «Воспоминаниях» о юношеских годах не скрывает, что был столь же вспыльчив и драчлив, как и его товарищи по Школе права: «Я записался на лекции в Школе, – пишет он, – но все старание, которое должно было доставаться занятиям с агреже², уходило на уроки владения оружием. Правда и то, что большая часть сотоварищей по школе поступала не иначе. Таким образом, скажем между прочим, что курс права проходится хуже остальных, хотя профессора и агреже весьма умелы и все отобраны по конкурсу». Студенты-правоведы и медики в это время уже не были буйными и неукротимыми школярами Средних веков, но они не отказывали себе в удовольствии побуянить на улицах, когда находились на университетской земле. Дюкло рассказывает об одной из таких выходок. У моста Сен-Мишель лучники арестовали одного человека; тот вырывался и звал на помощь – он был взят за долги. Молодые люди, знакомые друг с другом по фехтовальным залам, решили вырвать у лучников этого несчастного. И вот они в сборе со шпагами в руках; народ присоединился к ним, и лучники выпустили из рук добычу, не прибегая к оружию. Когда прибежа-

² Лицо, прошедшее конкурс на замещение должности преподавателя в лицее или высшем учебном заведении

ла дворцовая стража и стража Шатле,³ порядок уже водворился, и несчастный должник спасался на улице ла Гарп. Но и в остальном учебные курсы не пользовались повышенным вниманием этой блестящей молодежи, предпочитавшей шпагу и танцы. При заполнении аудитории получалось что-то вроде гумна: практически нельзя было сидеть: зимой холодно, летом донимали жара и зловоние. Вольтер, никогда не выказывавший расположения к судейской мантии, лишь на краткое время появился в парижской Школе права, и, как сам рассказывает в «Историческом комментарии», был столь поражен манерой преподавания юриспруденции, что одно это обратило его к изящной словесности. В провинции Школы права влачили еще более жалкое существование. Бюри в «Историческом и нравственном опыте о воспитании во Франции» сообщает: один из молодых людей, только что прошедший экзамен в одной из этих школ и чрезвычайно удивленный успехом, косвенно признал собственное невежество, сказав наедине спрашивавшему его профессору: «Месье, раз уж так легко быть принятым в адвокаты, мне хотелось бы, чтобы Вы оказали мне еще одну любезность и приняли также моего коня». «Месье, это совершенно невозможно, – со всей серьезностью ответил тот. – Здесь мы принимаем только ослов!».

Детям из народа и из мещанства зачастую не приходилось учиться в коллежах. Им нужно было с ранних лет выказывать постоянное рвение в учебе, чтобы на них обратили внимание учителя в приходских или монастырских школах, где до первого причастия преподавание ограничивалось кругом самых элементарных сведений; тогда с некоторой протекцией им удавалось стать стипендиатами в коллежах. Прочие дети учились – не считая религиозного воспитания – только читать, писать и считать. Иногда они усваивали все это раньше – в семьях или у мастеров, к которым поступали подмастерьями. Но это начальное образование ничем не венчалось, и ребенок, повзрослев, больше уже не продвигался вперед в чтении и письме; в свой труд он вкладывал природный ум, чуждый культуре и лишенный честолюбия, связанного с пониманием и знанием. Самые элементарные понятия гуманитарных наук были закрытой книгой для рабочих и торговцев, освоивших только катехизис и ограничивающихся тем, что они умели составить перечень произведенных работ и проданных товаров. Родители в низших классах населения довольствовались

³ Châtelet – уменьшительное от Château, «замок»; в Париже Шатле было названием суда по уголовным и гражданским делам, расположенного на правом берегу Сены, недалеко от Лувра вверх по течению реки

Урок танцев. Гравюра XVIII в.

для своих детей тем образованием, какое получили сами – ведь им предстояло заниматься тем же ремеслом, что и отцы, и не приходилось надеяться на более высокое положение в обществе, нежели то, какое занимали их предки. Это было причиной повсеместного господства – и в городе, и на селе – ничем не возмущаемого невежества, и даже там, где значительное большинство жителей умело читать, писать и считать, не водилось даже и поверхностного налета исторических и географических познаний, не были известны даже самые необходимые сведения общего характера, и об их приобретении не заботились – вопреки народному духу, вопреки врожденному любопытству, свойственному французскому характеру.

В остальное истинное воспитание, то есть воспитание светского человека, состоящее прежде всего в вежливости и умении жить, усваивалось уже после школ и коллежей. Прежде всего это происходило под семейным кровом и в обществе. Вежливость и умение жить, справедливо рассматриваемые как общественная обязанность, как необходимое дополнение к любому порядочному воспитанию, усваивались лучше примером, чем уроками. «Прежде, – говорит виконт де Сегюр в очаровательном

произведении под заглавием “Женщины”, – при Людовике XV и Людовике XVI, юноша, выходя в свет, совершал то, что называется дебютом. Он занимался изящными искусствами; отец давал ему указания и следил за ходом его трудов, поскольку это был один из видов такого труда, но одна только мать могла привить своему сыну высшую форму вежливости, изящества и любезности, которой завершалось его воспитание. Именно из этого источника – столь редкая вежливость, изысканный вкус, мера в речах и в шутках, изящество манер, одним словом – совокупность качеств, которая отличала то, что называется хорошим воспитанием и что служило рекомендацией общества французского, даже и среди иностранцев». Тогда молодежь, за исключением нескольких лиц вольных нравов и шалопаев, еще не собиралась в игорных домах, в кафе, в курильнях. И у знатных, и у буржуа были собрания в узком кругу, где под прищотом всего семейства могли состояться порядочные знакомства, зарождались дружеские связи между юношами одного возраста и общественного положения. «Я часто разделял эти милые удовольствия, – говорит Бюри, – и могу сказать, что здесь возникали такие дружеские привязанности между юношами, которым было суждено расти изо дня в день и окончиться только вместе с жизнью».

К женскому образованию весьма часто относились с полным пренебрежением – в особенности если мать не заботилась о воспитании дочери и – беззаботно и бесконтрольно – вверяла ее попечению наемников. Было не так просто найти хорошую гувернантку, даже если ей платили много и требовали самых серьезных гарантий. Слишком часто приходилось довольствоваться посредственностью: «Вовсе не значит требовать слишком многого от посредственности, – говорит Фенелон в великолепной книге “О воспитании девиц”, – если есть желание, чтоб у нее был по крайней мере здравый смысл, покладистый характер и подлинный страх Божий». Когда воспитание было поверхностным и недостаточным, можно было радоваться, если оно не было прямо дурным, и даже в этом последнем случае ошибку скорее можно было возложить на родителей, нежели на гувернанток. «В большинстве домов, – писал Фенелон в конце царствования Людовика XIV, – ничего нельзя увидеть, кроме путаницы, вечных перемен, толпы домашних, среди которых столько же превратных умов, кроме раздоров среди учителей. Какая жуткая школа для детей! Часто мать, проводящая время в играх, в комедии и в неприличных разговорах, жалуется суровым тоном, что она не может найти гувернантку, способную воспитать ее дочерей».

Монастырское воспитание давало лучшие плоды, прежде всего с нравственной точки зрения, и выходившие из монастырей юные девушки, не обладая более глубокими познаниями, нежели воспитанные гувернантками, были лучше подготовлены к тому, чтоб стать женами и матерями семейств, даже если они писали неправильно и знания орфографии оставляли желать лучшего. Однако бывало – прежде всего в кругах богатой буржуазии, – что верх брало стремление дать дочерям как можно лучшее образование, – такое, какого требовали философы-теоретики воспитания. Дело доходило до того, что юным особам давали уроки греческого и латинского языка, и они становились столь же образованными, как выпускники коллежей; они сильно рисковали стать невыносимыми в своем педантизме. Таково было происхождение английских синих чулков. Задолго до того Мольер высмеял их в «Ученых женщинах». Комедия никого не наставила на путь истинный: в XVIII в. энциклопедическое образование еще находило свое применение среди матерей семейств, как доказывает письмо, написанное Лореттой де Мальбуазьер, женщиной, обладавшей замечательным умом и умершей в девятнадцать лет: «Сегодня после чтения Локка и Спинозы, после того как я написала сочинение на испанском языке и итальянский перевод, был урок математики и урок танцев. В пять часов пришел учитель рисования; он оставался со мной час с четвертью. Когда он ушел, я прочла по-гречески двенадцать глав из Эпиктета, а также последнюю часть шекспировой «Тимона Афинского»». Философы и экономисты, в большом числе составившие заговор, дабы переделать общество, следуя априорным системам, прежде всего мечтали изменить государственное и частное воспитание, и в течение пятидесяти лет брошюры и толстые книги, имеющие своим предметом воспитание, прямо-таки затопили публику; каждый хотел изменений на свой лад. Что касается детства, влияние «Эмиля» Руссо, этого парадоксального произведения, ходившего из рук в руки во всех классах общества, не было вовсе бесполезным: долг материнства по отношению к ребенку в колыбели, заботы о дитяти с материальной стороны, тщательное наблюдение инстинктов его сердца, наконец, первоначальное воспитание

Вольтер. Рисунок XVIII в.

на лоне семейства – все эти идеи, принятые, быть может, тогда с чрезмерным увлечением, имели положительную сторону, и наше время смогло извлечь из них пользу.

Но воспитание в коллежах уже получило смертный приговор от утопистов национального образования, когда общество иезуитов было распущено, и эти заведения, в самом цветущем состоянии, основанные и руководимые с такой любовью этой воспитательной конгрегацией, были отданы на произвол их соперников и врагов. Парламент⁴ дал удовлетворение давней мстительной злобе янсенистов, распорядившись закрытием этих коллежей, в том числе – коллежа Людовика

Великого. Знать и двор тщетно пытались поддержать иезуитов, занимавшихся воспитанием их детей; король вынужден был против воли подтвердить парламентские постановления (1762 г.). Вследствие этих постановлений в государственном образовании возникла ситуация полного хаоса – именно в то время, когда эдукографы, как они сами себя с гордостью называли, не скупилась на громы и молнии в своих философических анафемах университетского образования. Выход в свет «Эмиля» Руссо роковым образом совпал с постановлением, вырывавшим из рук иезуитов воспитание юношества. Руссо уже сформулировал свою теорию за двадцать два года до того в письме к г. Мальи, заявляя: «Цель, которую должно ставить перед собой в воспитании молодого человека, – образовать его сердце, силу суждения и разум, причем именно в том порядке, как я называю. Большая часть учителей, и прежде всего педанты, рассматривают стяжание и нагромождение наук как единственный предмет хорошего воспитания». Университет едва не был вовлечен в крушение иезуитов, но правительство сохранило его и взяло под защиту, чтоб не дать рассыпаться всему зданию государственного образования одновременно; тем не менее оно не без легкомыслия приняло большую часть преобразований, предлагаемых со всех сторон. Один из самых непримиримых противников

⁴ В королевской Франции парламент был высшим судебным ведомством, регистрирующим королевские ордонансы, но не законодательным

иезуитов, знаменитый ла Шалоте, председатель парламента Бретани, поспешил выдать «План национально-го воспитания»; но не было сделано ничего, чтобы предотвратить анархию в образовании.

Изгнание иезуитов открыло возможность аннулирования долговых обязательств всех коллежей в Париже, – они все содержали большее или меньшее количество стипендиатов, для чего их доходы были недостаточны. Достояния иезуитов должно было хватить на все! Эдикт от 1763 г. учредил при каждом коллеже муниципальное бюро из мирян, которому было поручено, сверх надзора за учебным заведением, назначение принципала и профессоров. Положение этих последних было улучшено и обеспечено на первых порах; гонорары назначены на более справедливой основе, и обещана – в вознаграждение за понесенные труды – пенсия по отставке; сверх того жалованными грамотами 1764 г. они были освобождены ото всех муниципальных повинностей. Тем не менее число профессоров уменьшалось изо дня в день, и в 1768 г. был создан корпус агреже, назначенных по конкурсу, чтобы из этого источника можно было пополнять преподавательский состав. Бенедиктинцы и ораторианцы частично взяли на себя в образовательной области поддержание наследия иезуитов, но философская секта шла напролом в борьбе против этого типа воспитания, которое она стремилась сделать светским; таким образом религиозное воспитание должно было быть упразднено совершенно. Этот заговор привел к полному успеху в 1789 году, когда о. Бонфу, главный начальник пастырей христианского учения, писал в «Мемауре о главных целях государственного образования»: «Несомненно, самый жалкий беспорядок, влекущий за собой наиболее тягостные последствия, – практически полное забвение религиозного воспитания». За пятнадцать лет до того собрание клириков уже предвидело, что должно произойти, обличая перед королем жалкие проекты так называемых образовательных реформаторов: «Не скрылось от нас, – заявило оно, – что враги религии для воплощения их губительных уче-

Жан-Жак Руссо.
Алан Ремзи (1713–1784)

ний в качестве основного пункта усматривали удаление клириков от воспитания юношества».

Автор «Эмиля» был и основным автором беспорядков, все более и более углубляющегося хаоса, который царил в области воспитания. Университетскаждымднемтерял доверие и авторитет, хотя 500 коллежей, еще зависящих от него и подчиненных установленным им правилам, начитывали 70 000 учеников. Но в громадном множестве семейств уже стремились воплотить в жизнь педагогические мечтания Руссо. Пагубный пример был подан наверху: герцог Шартрский вверил воспитание трех своих сыновей мадам

Жанлис, которая готовилась к этому подвигу, воспитав их младшую сестру. Людовик XVI, когда герцог Шартрский⁵ сообщил ему об этом назначении гувернера женского пола, дал презрительный ответ: «Гувернер или гувернантка! Вы можете делать, что хотите; с другой стороны, дети есть и у графа Артуа!». Герцог Шартрский был далек от того, чтобы подражать дофину и дофине, отцу и матери Людовика XVI, никому не доверивших надзор над воспитанием своих детей. «Весь двор видел, – пишет Бюри в труде о французском образовании, – что эти две знатные особы руководили воспитанием принцев, своих детей; часто они призывали их к себе, спрашивали заданные уроки, заставляли рассказывать то, что они выучили». Таким же образом достопочтенный герцог Пентьеврский сам воспитал свою многочисленную семью. Именно так Людовик XVI поступал с дофином, главным наставником которого был он сам; намеревался воспитать из него сначала гражданина, а потом уже короля. Последние уроки, которые он дал в этом смысле, должны были состояться в тюрьме Тампль и были грубо прерваны революционным эшафотом.

⁵ Луи Филипп II Жозеф, потомок второго сына Людовика XIII, в 1752–1785 – герцог Шартрский, с 1785 – герцог Орлеанский и первый принц крови, впоследствии – Филипп Эгалите, гильотинирован в 1793 г. Граф Шарль Артуа – впоследствии Карл X, последний король Франции из династии Бурбонов, младший брат Людовика XVI и графа Прованского (Людовика XVIII)

